

Потерянное детство

ЭЛИЗАБЕТ СТРАУТ

Когда все возможно

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С83

Elizabeth Strout
ANYTHING IS POSSIBLE

Copyright © 2017 by Elizabeth Strout

This translation published by arrangement with Random House, a division
of Penguin Random House LLC

Перевод с английского *И. Тогоевой*
Художественное оформление *М. Коняевой*

Страут, Элизабет.

С83 Когда все возможно / Элизабет Страут ; [пер. с
англ. И. А. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2018. —
320 с.

ISBN 978-5-04-093836-0

Новая книга Элизабет Страут, как и ее знаменитая «Оливия Киттеридж», — роман о потерянном детстве. Каждая история в нем — напряженная драма, где в центре — мрачное прошлое и почти беспросветное настоящее. Если детство прошло в домашнем аду, с отцом-насильником, как тяжело будет жить с этим секретом? Можно ли простить родную мать, не сумевшую защитить от жестокости? Одно неверно сказанное слово в детстве может вернуться бумерангом в настоящем, вызвав боль, стыд и отчаяние. Тайны, которые ты тщательно хранишь, в любой момент могут выплыть наружу. В «Когда все возможно» все герои находятся в зависимости от собственного прошлого, а настоящее расставляет ловушки.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Тогоева И., перевод на русский
язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093836-0

*Посвящается моему брату
Джону Страуту*

Вывеска

Когда-то у Томми Гаптилла была молочная ферма, которую он унаследовал от отца. Она находилась примерно в двух милях от городка Эмгаш, Иллинойс. С тех пор прошло много лет, но и сейчас еще Томми просыпался порой среди ночи, охваченный тем же ужасом, какой испытал, когда дотла сгорели и его ферма, и дом. Тогда дул сильный ветер, и пламя мгновенно перекинулось с амбаров и коровников на жилые постройки. Виноват в случившемся был он сам — он всегда считал, что это именно так, — ведь в тот вечер он не удосужился проверить, отключены ли доильные аппараты, а именно из-за них и возник пожар. И, едва успев начаться, сразу разгорелся и стал с яростью пожирать все вокруг. Они лишились всего, уцелела только бронзовая рама от зеркала, висевшего в гостиной; эту раму Томми нашел на следующий день, роясь на пепелище, да так ее там и оставил. Соседи организовали сбор средств — пару месяцев дети Томми ходили в школу в одежде, позаимствованной у одноклассников; но потом Томми взял себя в руки и, собравшись с силами, как-то привел в порядок свои финансовые дела и продал землю соседу-фермеру, хотя особых денег это не принесло. Затем Томми с женой, маленькой хорошенькой женщиной

по имени Ширли, смогли купить для себя и детей и новый дом, и новую одежду, и Ширли, надо сказать, все это время держала хвост пистолетом и вообще проявляла восхитительную стойкость духа. Но дом, к сожалению, они сумели купить только в Эмгаше, захудалом городишке, так что их детям теперь пришлось ходить в местную школу — раньше они учились в Карлайле, поскольку ферма Томми находилась как раз между Эмгашем и Карлайлом, где школа была гораздо лучше. Томми, недолго думая, устроился в эмгашской школе уборщиком, и эта спокойная и однообразная работа его совершенно устраивала; все равно наняться работником на чью-то чужую ферму он никогда бы не смог, да ему такое и в голову не приходило. В тот год ему исполнилось тридцать пять лет.

Теперь дети Томми давно стали взрослыми, и даже их собственные дети успели за это время повзрослеть, а Томми и Ширли по-прежнему жили в своем маленьком домике, буквально утопавшем в цветах, которые с самого начала стала сажать Ширли, что для их города было явлением весьма необычным. После пожара Томми больше всего беспокоился о своих детях, жизнь которых столь резко изменилась и стала куда менее благополучной. Если раньше дом и ферма были предметом их гордости и служили местом ежегодных школьных экскурсий — например, пятиклассники карлайльской школы каждую весну целый день проводили у них на ферме, завтракали на свежем воздухе за деревянными столами, затем посещали коровники и наблюдали за тем, как доят коров и белое пенистое молоко течет по прозрачным пластмассовым трубкам, — то теперь их семья жила в Эмгаше, и детям было не слишком приятно видеть, как

их отец без конца возит по полу шваброй, собирая грязь и пыль, которая «волшебным образом» тут же собирается снова, налипая на лужицы блевотины, если кого-нибудь стошнит прямо в коридоре. Томми теперь ходил всегда в одной и той же одежде — в серых штанах и белой рубашке, на которой красными нитками было вышито его имя: *Томми*.

Но ничего. Все они через это прошли, и все они это пережили.

* * *

А сегодня утром Томми неторопливо ехал в Карлайл за покупками, поскольку до восьмидесят второго дня рождения жены оставалось всего несколько дней. Этот субботний денек выдался на редкость солнечным, по-настоящему майским. По обе стороны от дороги расстилались поля, и на них уже зеленели всходы кукурузы и сои. Те поля, что были оставлены под паром, казались коричневыми пятнами на лоскутном одеяле, словно собранном из различных оттенков молодой зелени. Над головой ярко сияло высокое, почти безоблачное небо, и лишь у самого горизонта виднелись редкие белые клочки облаков. Томми миновал поворот на грунтовую дорогу, ведущую к дому Бартонов; на перекрестке все еще красовалась старая вывеска «Шьем и перешиваем», хотя Лидия Бартон, которая всем этим и занималась, умерла много лет назад. Бартоны считались изгоями даже в таком жалком городишке, как Эмгаш, и причиной тому была не только их невероятная бедность, но и непонятная замкнутость, обособленность. Теперь в старом домишке уединенно проживал в полном одиночестве

старший сын Бартонов, Пит; их средняя дочь жила неподалеку, через два таких же, как Эмгаш, городка отсюда; а вот младшая из детей, Люси Бартон, давным-давно из Эмгаша сбежала и поселилась не где-нибудь, а в Нью-Йорке. Томми частенько вспоминал Люси. После уроков эта девочка никогда домой не спешила, предпочитая в полном одиночестве сидеть в классе чуть ли не до вечера, и поступала так с четвертого класса и до выпускного. И лишь через несколько лет она впервые осмелилась поднять на Томми глаза и посмотреть ему в лицо.

Впрочем, поворот к дому Бартонов Томми уже проехал, и сейчас перед ним расстилались бескрайние поля, совершенно поглотившие то место, где когда-то стоял его собственный дом. Теперь от него и следа не осталось, а потому в голову Томми, как всегда, полезли грустные мысли о той прежней благополучной жизни, которая была у них на ферме. Да, жизнь у них здесь была хорошая, но Томми не жалел о случившемся. Не в его характере было о чем-то сожалеть. Даже в ту страшную ночь, когда на ферме полыхал пожар, а душу Томми охватил все нараставший страх, он прекрасно понимал, что самое главное для него в этом мире — это его жена и дети. Он еще подумал тогда, что некоторые люди ухитряются прожить целую жизнь, так и не поняв, в чем ее истинная ценность. Сам он всегда очень остро это сознавал и считал, что тот пожар был ему неким знаком свыше, лишний раз подсказавшим, как бережно он должен хранить доставшийся ему дар. Впрочем, подобные мысли Томми держал при себе и ни с кем ими не делился, не желая прослыть выдумщиком, стремящимся найти оправдание для случившейся с ним трагедии — и, возможно, случившейся по его вине; ему не хотелось, чтобы хоть кто-

то, даже горячо любимая жена, заподозрил, что он способен на подобные фантазии. Однако в ту ночь ему действительно довелось почувствовать и понять многое. Когда они выскочили из дома, Ширли сразу постаралась увести детей подальше от пожара, на ту сторону дороги, а Томми бросился к коровнику и увидел, что тот весь охвачен огнем. Огромные языки пламени вздымались в ночное небо, страшно кричали гибнущие в огне коровы, и Томми в те минуты действительно испытал множество самых различных чувств, но лишь когда внутрь провалилась крыша его дома — прямо туда, где раньше у них была спальня и гостиная, где стояли фотографии его детей и родителей, — он понял, понял по-настоящему, что все это происходит на самом деле, и единственное, что он в этот момент абсолютно отчетливо почувствовал, это присутствие Господа. А еще понял, почему ангелов всегда изображают крылатыми. Он прямо-таки ощущал эту их крылатость, слышал стремительное шуршание их крыл, хотя, возможно, это ему просто казалось; но потом он почувствовал, именно *почувствовал*, как Бог — лица Его он не различил, а может, у него и не было лица, но это совершенно точно был Он, — слегка его коснулся и этим мимолетным прикосновением, без слов, мгновенно дал ему понять: *Все будет хорошо, Томми*. И тогда Томми понял, что все действительно будет хорошо. Случившееся было выше его понимания, но это и не важно. Важно было то, что он успокоился. И потом все действительно было хорошо. Он часто думал о том, например, что после пожара его дети стали проявлять куда больше сочувствия и сострадания к другим, ведь теперь они были вынуждены учиться вместе с детьми из куда более бедных семей, никогда не живших в таком доме, каким се-

мейство Гаптилл владело раньше. С тех пор Томми порой чувствовал рядом присутствие Бога как возникновение легкого золотого отсвета, а вот ощущения, что Господь не только сам к нему явился, но и мимолетно его коснулся, как это было в ту страшную ночь, у него больше никогда не возникало; и, прекрасно понимая, как отреагируют люди, если он вздумает кому-то об этом поведать, он молчал, но точно знал, что до самого смертного часа будет бережно хранить и в памяти, и в сердце тот тайный знак, который тогда подал ему Господь. Но сегодня утро выдалось такое теплое, весеннее, и запах земли пробудил в памяти Томми запах коров, их влажные ноздри, их теплые животы, и он вспомнил свои замечательные коровники — у него тогда их уже было два, — и перед его мысленным взором стали возникать быстро сменявшие друг друга картинки из прошлого. Возможно, это произошло из-за того, что он проехал мимо дороги, ведущей к дому Бартонов. Томми вспомнил Кена Бартона, отца тех бедных и вечно печальных детей, который в те времена иногда работал у него на ферме; а потом, естественно, вспомнил и Люси Бартон — о ней он вообще вспоминал чаще всего, — которая сперва уехала поступать в колледж, а в итоге оказалась в Нью-Йорке и стала писательницей.

Люси Бартон.

Продолжая вести машину, Томми задумчиво покачал головой. Больше тридцати лет проработав в школе уборщиком, он, разумеется, знал множество разных тайн: знал о беременностях учениц, и о пьющих матерях, и о взаимных изменах родителей — ему не раз доводилось неволью подслушивать разговоры ребят, когда те изливали душу друзьям в душевой или возле школьного кафете-

рия, хотя сам он при этом оставался для них как бы невидимкой и прекрасно понимал это. Но от чего-то больше других его тревожила именно Люси Бартон. Люси, ее сестра Вики и брат Пит постоянно служили объектом безжалостных, даже злобных насмешек и презрения не только со стороны ребят, но и кое-кого из учителей. И все же именно потому, что Люси в течение многих лет почти каждый день оставалась в школе после занятий, Томми казалось — хотя разговаривала она с ним крайне редко, — что он знает ее лучше всех остальных учеников. А однажды — Люси тогда училась в четвертом классе, а он только первый год работал в школе, — он, войдя в класс после уроков, увидел, что девочка сдвинула вместе три стула, поставив их вплотную к батарее, улеглась на них и крепко спит, укрывшись своим пальто. Томми тогда долго смотрел на нее. Он видел, как слегка приподнимается и опускается в такт дыханию ее грудь, под глазами от усталости черные круги. Длинные ресницы Люси, похожие на лучики мерцающей звезды, прилипли к щекам, еще влажным от невысохших слез — она явно горько плакала, прежде чем уснула. И Томми, стараясь не шуметь, осторожно попятился и выбрался из класса, испытывая странную внутреннюю неловкость, словно совершил нечто недопустимое, случайно наткнувшись на спящую девочку и позволив себе несколько минут на нее смотреть.

Но однажды — Томми припомнил, что тогда Люси, должно быть, училась уже в средней школе, — он вошел в класс и увидел, как она что-то рисует мелом на доске. Впрочем, заметив, что он вошел, рисовать она сразу перестала.

— Да не дергайся ты, рисуй себе спокойно, — успокоил он.

На доске был изображен побег плюща с множеством мелких листиков. Но Люси уже отошла от доски. А потом вдруг сама с ним заговорила.

— Я мел сломала, — призналась она.

Томми заверил ее, что в этом нет ничего страшного.

— Но я это сделала *нарочно*, — возразила она, и в глазах ее промелькнула мимолетная улыбка; впрочем, глаза она сразу же отвела.

— Нарочно? — переспросил он, и она кивнула, и он снова заметил промельк той же улыбки.

Тогда Томми подошел к доске, взял кусок мела — это был целый, нетронутый кусок — сломал его пополам и подмигнул ей. Он и теперь еще хорошо помнил, что Люси тогда *почти* захихикала.

— Это ты нарисовала? — спросил он, указывая на плющ с мелкими листочками.

Она лишь неопределенно пожала плечами и отвернулась. Но вообще-то она обычно просто сидела за партой и читала книжку или делала уроки. Томми много раз это видел.

Томми остановился у знака «Стоп» и пробормотал себе под нос: «Люси Бартон, Люси Би, как дела твои, расскажи. Как сумела ты сбежать, забыв отца и мать?»

Вообще-то он знал, как это произошло. Весной, когда Люси училась уже в выпускном классе, он как-то после занятий увидел ее в коридоре, и она сама повернулась к нему и, с неожиданной радостью глядя на него широко распахнутыми глазами, воскликнула: «Мистер Гаптилл, а я в колледж уезжаю, учиться!» А он сказал: «Так это же просто замечательно, Люси!» И тогда она его обняла; обняла и не отпускала, и он тоже ее обнял. И навсегда запомнил, как они тогда обнимали друг друга. Люси

оказалась такой тоненькой и худенькой, что он чувствовал и каждую ее косточку, и прикосновение маленьких грудей. Впоследствии Томми часто думал о том, как мало, должно быть, этой девочке досталось в жизни теплых объятий и ласки.

Почти сразу за знаком «Стоп» был въезд в город, а чуть дальше виднелась парковочная площадка. Томми заехал на парковку и, щурясь от яркого солнечного света, вылез из машины. «Томми Гап-тилл!» — окликнул его кто-то, и Томми, обернувшись, увидел Гриффа Джонсона, который, как всегда сильно прихрамывая, направлялся прямо к нему. У Гриффа одна нога была короче другой, и даже ботинок со специальной, сильно утолщенной подметкой не спасал его от хромоты. Грифф еще на ходу протянул Томми руку, они обменялись рукопожатием и еще долго трясли друг другу руки, а мимо них по Мейн-стрит медленно одна за другой проезжали машины. В Карлайле Грифф занимался страховкой и после пожара здорово помог Томми. Он вообще тогда поступил невероятно благородно: узнав, что Томми застраховал свою ферму на сумму, значительно меньшую ее реальной стоимости, Грифф просто сказал ему: «Ну и ладно. Значит, я просто слишком поздно об этом узнал. Я ведь с тобой совсем недавно познакомился», и последнее, кстати, было чистой правдой. У Гриффа была на редкость добродушная физиономия, а в последнее время он отрастил внушительное брюшко. Он и после всех тех неприятностей очень хорошо относился к Томми. Впрочем, Томми вряд ли сумел бы назвать хоть одного человека — ему самому, во всяком случае, казалось, что это именно так, — который относился бы к нему плохо или был бы недостаточно добр. А теперь они с Гриффом стояли на парковке, ове-